

Мать Лань Дяо ушла вскоре после этого.

Ей нужно было возвращаться, чтобы сопровождать сына на очередные анализы.

Я остался сидеть в кафе еще какое-то время.

Кофе в моей чашке окончательно остыл.

Вдруг завибрировал телефон. Я посмотрел на экран — сообщение от Лань Дяо:

«Малыш, был так занят, что только сейчас сел поесть. А ты поел? Соскучился по мне?»

Лань Дяо.

Зачем притворяться, что ты в командировке?

Зачем ты лжешь?

Я прикрыл глаза.

Снаружи вовсю шумел сильный ливень, и даже сквозь толстое стекло отчетливо доносился свист ветра.

Этот ливень на стыке уходящего лета и ранней осени затапливал и мое собственное сердце.

Лань Дяо и понятия не имел, что его мать приходила ко мне.

Как только он услышал фразу «три миллиона за мое сердце», его лицо мгновенно изменилось.

Губы его задрожали, и он спросил:

— Сюй Цин, что все это значит?

Я устало прислонился к стене и медленно произнес:

— Лань Дяо, я ведь всегда верил каждому твоему слову.

— Ты говорил, что тебе не нужно мое сердце, говорил, что я тебе нравлюсь, и я всему этому верил.

— Я и подумать не мог, что ты станешь меня обманывать.

— Ты сказал, что уезжаешь в командировку, и я тоже поверил.

— Но ты не был ни в какой командировке.

Тупая боль полоснула по груди, словно кто-то кромсал мне душу ржавым ножом, изводя меня.

— Тебе ведь от меня нужно только мое сердце, верно, Лань Дяо?

Я-то думал, что Лань Дяо никогда мне не солжет.

Но мир устроен не только из одной правды.

Злонамеренная, во спасение, непреднамеренная — ложь существует всегда.

Одна ложь еще не означает, что все остальное тоже было враньем.

Но тогда я этого не понимал.

В тот момент, стоя у стены, я то и дело прокручивал в голове мольбы матери Лань Дяо, его собственную ложь и слова Ся Юйгуана.

Лань Дяо стоял прямо предо мной, слезы градом катились из его глаз, а сам он без конца пытался оправдаться:

— Все совсем не так, Суй Цин, я не хотел тебя обманывать.

— Я просто побоялся, что ты накрутишь себе лишнего.

— Я никогда раньше тебе не лгал.

...

От всего этого в моей голове словно закипел котел с горячей кашей.

Не выдержав этой пытки, я оборвал его:

— Лань Дяо, я больше ничего не понимаю.

— Я не могу разобрать, какие из твоих слов правда, а какие нет.

В ту секунду я наконец отчетливо осознал, откуда бралась та давняя тревога, что грызла меня изнутри.

Я панически боялся, что все эти отношения — лишь красивый обман.

И при этом я уже увяз в них по уши, не в силах выбраться.

Мы оба одновременно замолчали.

Спустя мгновение мы заговорили вновь, но задали два совершенно разных вопроса.

Лань Дяо спросил меня:

— Суй Цин, я ведь говорил, что мне никогда не нужно было твое сердце. Ты веришь мне?

А я спросил его:

— Лань Дяо, ты говорил, что любишь меня. Это правда?

Сам вопрос и стал ответом.

Больше никто не проронил ни слова.

Лань Дяо наконец выплакался, поднял на меня глаза и тихо произнес:

— Сюй Цин, возможно, нам стоит расстаться на какое-то время.

18

Вот так эта канарейка фактически осталась без работы.

Мне полагалось вернуться к привычной жизни обычного наемного работяги.

Но, как говорится, беда не приходит одна.

Состояние Сюй Сяохун резко ухудшилось.

Это был врожденный недуг, который без кучи денег не вылечить, поэтому мы всегда держались только на поддерживающих лекарствах.

В этот раз обычная простуда вызвала осложнения, из-за чего девчушка загремела на больничную койку.

К счастью, за время моей карьеры канарейки я успел скопить немного денег, так что мог позволить себе остаться в больнице и ухаживать за ней.

Сюй Сяохун лежала в полузабытьи на больничной койке, но все равно продолжала думать о Лань Дяо.

Она постоянно допытывалась, когда же брат Лань Дяо придет ее навестить.

Спрашивала, все ли у нас с ним хорошо.

Интересовалась, как его здоровье.

Запивая таблетки из кружки, которую ей когда-то подарил Лань Дяо, она тихо пробормотала:

— Брат, а ты скучаешь по Лань Дяо? Я вот очень по нему скучаю.

Я погладил ее по голове, уговаривая выпить лекарство и ложиться спать.

Когда Сюй Сяохун уснула, я тихонько выскользнул из палаты.

Стоя в коридоре, я разблокировал телефон, но на экране висели лишь рекламные уведомления.

Я открыл диалоговое окно и уставился на аватарку Лань Дяо.

Он сменил прежнюю мультяшную картинку на абсолютно черный квадрат.

Лань Дяо всегда ставит черный аватар, когда ему паршиво на душе.

Но его ведь так легко развеселить — достаточно вкусно накормить и крепко обнять, и он снова будет счастлив.

Эх.

Я действительно безнадежен.

Ну почему я никак не могу выкинуть его из головы?

Я действительно безнадежен.

Я даже собственные мысли контролировать не могу — они постоянно, в самый случайный момент, уносятся к Лань Дяо.

Думаю о нем утром, гадая, спится ли ему так же паршиво, как и мне.

Думаю о нем за едой, гадая, обедает ли он вовремя.

Думаю о нем посреди ночи, гадая, выдался ли у него хороший день.

Хотя вряд ли у него все хорошо, ведь его аватарка по-прежнему остается черной.

Я начинаю раскаиваться и без конца прокручиваю в голове ту ночь, задаваясь вопросом: а не слишком ли жестоко я с ним обошелся?

Сестра заметила, что со мной что-то не так.

С капельницей в левой руке, она правой рукой потянула меня за мою свежепобритую голову и спросила:

— Брат, ты что, по кому-то сохнешь?

Но я ни за что не хотел признаваться. Я отрезал, что дети сами не понимают, о чем говорят, так что пускай не мелет чепуху.

Сестра закатила глаза и уставилась в телефон.

Спустя какое-то время она снова окликнула меня:

— Брат, а брат, почему у Лань Дяо сменился ник в чате?

— Почему он теперь называется «Убитый горем»?

— Брат, ты что, обидел его?!

Я зажал уши руками и в полном смятении сбежал из палаты.

«Убитый горем»?

Ну и чудик же этот Лань Дяо.

С досады я тоже переименовал свой профиль.

Сменил ник на:

«Еще один убитый горем».

После почти месяца этой свистопляски состояние Сюй Сяохун наконец стабилизировалось.

Врач разрешил выписать ее домой на восстановление.

В день выписки Сюй Сяохун шла чуть впереди меня.

Две ее косички забавно покачивались в такт шагам.

Я рассеянно залип на эти косички, размышляя, не стоит ли мне выкроить время... чтобы повидаться с Лань Дяо.

Когда мы уже подходили к дому, косички сестры вдруг взлетели вверх.

А следом раздался ее удивленный вопль:

— А-а-а!

— Брат Лань Дяо!

— Ты как здесь оказался?!

Она сорвалась с места и с разбегу запрыгнула на шею стоявшему впереди человеку.

Этот человек поймал Сюй Сяохун и посмотрел на меня покрасневшими глазами.

Вообще-то я считал себя парнем с характером.

Мы ведь только недавно расстались, так что мне следовало хотя бы ради приличия напустить на себя холодный вид.

Но Лань Дяо обладал слишком мощной властью надо мной.

Всего пара простых фраз — и от моей гордости не осталось и следа.

Он сказал:

— Сюй Цин, сколько лет, сколько зим.

— Я так сильно по тебе соскучился.

И при этом он еще и улыбнулся мне.

В то же мгновение все мои путанные мысли испарились, уступив место одной-единственной:

«Да пусть это даже обман, мне плевать».

Даже если все это ложь, я согласен быть обманутым до конца своих дней.

20

При сестре Лань Дяо еще мог выдавливать из себя улыбку и смеяться.

Но когда опустилась ночь и он зашел в мою комнату, притворяться он перестал.

Он повалил меня на кровать, крепко обнял и снова разрыдался.

В соседней комнате спала Сюй Сяохун, поэтому Лань Дяо, не смея издать ни звука, уткнулся лицом в мою одежду и безмолвно лил слезы.

Я уже всерьез начал сомневаться, не из воды ли он сделан — вся моя футболка насквозь проревела.

— Сюй Цин, я разорвал все связи с матерью.

— Я теперь такой нищий, что мне даже есть не на что, так что ты не имеешь права меня вышвырнуть.

Он обхватил мое лицо руками и принялся неистово целовать, приговаривая между поцелуями:

— Больше никого не слушай.

— Я и без твоего сердца прекрасно проживу.

Он запнулся, а затем зарылся лицом в мою шею, и его горячие слезы просочились прямо мне в душу.

— Сюй Цин, я больше никогда не буду тебе лгать.

— Не бросай меня.

В остальном наши будни вернулись в прежнее русло.

С той лишь разницей, что...

Из изнеженной домашней канарейки я превратился в работягу-вола.

На мне лежала обязанность пахать и зарабатывать деньги, а Лань Дяо и Сюй Сяохун должны были просто жить припеваючи.

Однако Лань Дяо, будучи весьма начитанным молодым господином, быстро смекнул, в чем дело.

Ему стало жаль, что я так надрываюсь за сущие копейки, и он кое-что придумал.

Как-то ночью Лань Дяо забрался ко мне в постель.

Застав меня врасплох, он бесцеремонно задрал мою футболку.

А затем с силой ущипнул меня за кубики пресса.

И с загадочным видом спросил:

— Малыш, хочешь срубить легких денег?

Что-то мне это смутно напоминало.

Он заявил, что в этой сфере чем лучше фигура, тем больше гребешь лопатой, особенно такой качок, как я, с восемью кубиками пресса.

Заметив мой скептический взгляд, он поспешил добавить, что это абсолютно легальная работа.

Его ладони всюду гуляли по моему животу, пока он допытывался:

— Малыш, ну угадай, что за работа?

Я строго ответил ему:

— Малыш, в жиголо я больше не пойду.

<http://bllate.org/book/17854/1704859>